

S T U D I A   P H I L O L O G I C A

К 200-летию
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

И. С. Якубович

ЛУВИЙСКИЙ ЯЗЫК
В ПРОСТРАНСТВЕ
И ВРЕМЕНИ

Издательский Дом ЯСК
Москва 2019

УДК 811.29
ББК 81.2
Я 49

Рецензенты

доктор филологических наук С. А. Бурлак
кандидат исторических наук В. Ю. Шелестин

Я 49 **Якубович И. С.**

Лувийский язык в пространстве и времени / Институт востоковедения РАН. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 464 с. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-907117-38-9

На лувийском языке, как и на хеттском, писали во втором тыс. до н. э. в царстве Хаттусы, часто именуемом Хеттским царством и располагавшимся на территориях современной Турции и северной Сирии. При этом использовались две различные системы письма — клинопись месопотамского происхождения и анатолийские иероглифы. Но зачем было использовать лувийский язык при наличии более развитой хеттской письменной традиции? И как локализовать носителей лувийского языка, о которых дошло немного прямых исторических свидетельств? Для ответа на данные вопросы в настоящей монографии используются методы анализа, отражающие последние достижения контактной лингвистики. Книга может быть рекомендована специалистам по языковым контактам, сравнительно-историческим языковедам, филологам и этнографам, а также всем интересующимся историей древнего Востока.

УДК 811.29
ББК 81.2

В оформлении обложки использована фотография барельефа VIII в. до н. э. с иероглифической надписью на лувийском языке (Ивриз/Айдынкент, Турция), любезно предоставленная проф. Элизабет Рикен (Марбург)

ISBN 978-5-907117-38-9

© И. С. Якубович, 2019
© Издательский Дом ЯСК, 2019

ВВЕДЕНИЕ

0.1 Общая информация о лувийском языке

Анатолийские языки составляют группу индоевропейской языковой семьи, которая отделилась раньше других от индоевропейского праязыка. В связи с этим ряд исследователей употребляют термин «индохеттский праязык» для общего предка анатолийского и позднеиндоевропейского праязыков, тогда как в данной работе применяется более логичный термин «индоанатолийский праязык». Единственным анатолийским языком, известным из памятников как II тыс., так и I тыс. до н. э., а также в двух системах письма — клинописной и иероглифической, является лувийский. Хеттский и палайский языки зафиксированы в клинописных текстах II тыс. до н. э., а ликийский, лидийский, карийский, сидетский и писидийский языки — в алфавитной передаче I тыс. до н. э. Все эти языки были распространены на территории древней Малой Азии.

Ряд языков, употреблявшихся на той же территории во II тыс. до н. э., не принадлежат к анатолийской группе. В дополнение к хеттским, лувийским и палайским текстам, в архивах хеттской столицы Хаттусы найдены клинописные тексты на двух неиндоевропейских языках Анатолии — хаттском и хурритском¹, а также на двух языках месопотамской письменной культуры —

---

¹ Генетические связи хаттского языка точно не определены и являются предметом дискуссии. В советской науке неоднократно высказывалось мнение о родстве хаттского языка с западно-кавказскими, включая абхазо-адыгские [Ардзинба 1979, Иванов 1985]. Данная точка зрения оспаривается в работе [Kassian 2010], где предлагается считать хаттский язык одним из членов сино-кавказской макросемьи, не имеющим особых связей с западнокавказскими языками, которые, впрочем, рассматриваются как принадлежащие к той же макросемье. Единственным близким родственником хурритского языка является урартский язык, памятники которого относятся к первому тысячелетию до н. э. и обнаруживаются в основном на территории тре-

шумерском и аккадском. Сосуществование на письме языков разных семей характерно и для Малой Азии I тыс. до н. э., однако данный период лишь частично освещается в настоящей монографии (в основном в контексте контактов между лувийцами и греками).

Настоящее исследование концентрируется на интерпретации данных, связанных с лувийским языком. Наиболее адекватными и доступными грамматическими очерками лувийского языка является на сегодняшний день [Melchert 2003b] и [Yakubovich 2015c]. Подавляющее большинство известных лувийских текстов в клинописной передаче изданы в транслитерации (но без перевода) в работе [Starke 1985]. [Melchert 1993] представляет собой словарь к данному корпусу текстов. Большинство длинных лувийских иероглифических надписей, относящихся к царству Хаттусы, издано в работе [Hawkins 1995], а [Hawkins 2000] являлся полным (на момент издания) корпусом лувийских иероглифических надписей, созданных после падения царства Хаттусы². К сожалению, не существует современного словаря лувийских текстов в иероглифической передаче. Данный пробел отчасти компенсируется электронным глоссарием, генерируемым на веб-странице Аннотированного корпуса лувийских текстов (ACLT) по адресу <http://web-corpora.net/LuwianCorpus/search>³.

Некоторые аспекты этнической истории Анатолии II тыс. до н. э. представляются бесспорными. Самообозначение хеттского языка как неситского (ср. хеттские наречия *nisili*, *nāsili*, *nesumnili* ‘на неситском языке’) связано с древним топонимом Неса, который был идентифицирован с поселением

угольника, образуемого озерами Ван, Урмия и Севан. Согласно гипотезе И. М. Дьяконова и С. А. Старостина, более отдаленными родственниками хуррито-урартских языков являются восточно-кавказские языки (см. [Дьяконов, Старостин 1988], со ссылками на более раннюю литературу).

² В настоящей монографии избегаются термины «Хеттское царство», «империя хеттов» и т. д., традиционные для русскоязычных хеттологических исследований (ср. напр. [Георгадзе 2000]). Вместо этого употребляется термин «царство Хаттусы». Основной причиной подобного подхода к терминологии является презумпция многонационального характера политического образования, традиционно именуемого империей хеттов. В качестве параллели здесь можно упомянуть многонациональную Римскую империю. Подробнее о влиянии терминологии на трактовку этнической истории древней Анатолии см. [Mouton et al. 2013: 1–3]. Другой причиной предлагаемой терминологической инновации является максимальное приближение к традиции хеттских источников. Для обозначения государства Хаттусы в хеттских текстах использовалась составная гетерограмма ^{KUR.URU}HATTI. Относительно чтения псевдоаккадограммы HATTI как «Хаттуса» см. Weeden 2011, 244–248.

³ О лувийском языке как объекте продолжающейся дешифровки и о важности комбинаторных методов, основанных на всеобъемлющем корпусном анализе см. [Бородай, Якубович 2014].

Кюльтепе, неподалеку от Кайсери, в Центральной Анатолии⁴. Этот город, известный в хеттских и аккадских источниках как Канеш, был важным торговым центром в XX–XVIII вв. до н. э., служа крупной торговой факторией (*kārum*) для ассирийских купцов⁵. Большинство анатолийских имен, сохранных в записях ассирийских колонистов, которые были раскопаны в Канеше, похоже, являются хеттскими [Garelli 1963: 133–152]. Анитта, правитель Канеша/Несы, успешно одолел коалицию вражеских князей и установил свое господство над большей частью Центральной Анатолии. Хаттский город Хаттуса, разрушенный Аниттой, был позже восстановлен и заново заселен, играя роль нового административного и культового центра. Хеттский (неситский) был основным официальным языком государства, созданного вокруг Хаттусы, политическая история которой в период между XVII и XIII вв. до н. э. хорошо известна из письменных источников. В настоящей работе используются термины Древнее царство (XVII–XV вв.), раннее Новое царство (первая половина XIV в.) и Новое царство (вторая половина XIV в. — начало XII в.), приблизительные аналоги которых, *Old Kingdom*, *Early New Kingdom* и *Hittite Empire*, можно найти в монографии [Бруссе 2005].

В то же время имеются многочисленные нерешенные вопросы в этнической истории Анатолии периода бронзового века; для ответов на эти вопросы требуется палеосоциолингвистическое исследование. Один из таких вопросов, явившийся стимулом для данной работы, касается истории лувийских языковых сообществ. Хеттские законы содержат небольшое количество ссылок на страну под названием Лувия, не сопровождаемые географической идентификацией этого региона, в то время как группа других текстов вводит отрывки, которые, по-видимому, произносились *luwili* ‘на лувийском языке’, хотя не все они действительно записаны по-лувийски. Этим исчерпывается доступная историческая информация о Лувии и лувийском языке.

---

⁴ Обозначения *Kaneš* и *Nesa* не только указывают на один и тот же город, но также связаны этимологически. По-видимому, форма *Nesa* развилась из *Knesa в диалекте, в котором происходило упрощение начальных консонантных кластеров. Соответственно, транслитерация *Kanes* или *Knes* была бы с фонетической точки зрения более точной, но она могла бы сделать рассматриваемый город неузнаваемым для ассириологов. С другой стороны, традиционная транслитерация *Kanesh* может ввести в заблуждение исследователей Малой Азии периода бронзового века, поскольку графическая последовательность <sh> обычно соответствует консонантному кластеру /sx/ в транслитерации анатолийских топонимов, как в случае *Washaniya* или *Purushanda*. Транслитерация *Kaneš*, принятая в данной работе, представляет собой необходимый компромисс между этими двумя крайностями. История изучения этнической принадлежности населения Канеша обсуждается в работе [Alp 1997].

⁵ Здесь и далее все даты даются в соответствии со средней хронологией.

0.2 Рамки и методология исследования

Каждая глава монографии посвящена реконструкции истории лувийского языкового сообщества, но их методология не является везде одинаковой. Глава 1 организована как корпусное исследование по диалектной географии. Объект исследования ограничен лувийскими диалектами в узком смысле, которые противопоставляются лувическим диалектам. Положительные заключения этой главы связаны с реконструкцией лувийской диалектной филиации. Обсуждение лувических диалектов, которые должны (или не должны) реконструироваться для бронзового века, составляет основную проблему Главы 2. Поскольку корпус языковых данных ограничен в этом случае небольшим количеством личных имен, большее внимание уделяется исследованию исторических источников. В результате предлагается сценарий этнолингвистической истории Западной Анатолии, который оптимальным образом соотносится с доступными источниками. Наиболее значимые выводы этой главы, однако, являются негативными. Предпринята попытка показать, что большинство гипотез, касающихся присутствия лувийцев в Эгейском бассейне и развиваемых во вторичной литературе, либо являются плохо обоснованными с эмпирической точки зрения, либо опираются на широкое понимание термина «лувийский» (в смысле «лувический»).

В Главах 3–5 рассматриваются языковые контакты между хеттами и лувийцами. В Главе 3 дается лингвистическое доказательство доисторических структурных контактов между этими двумя языками через сравнительно-исторический анализ анатолийских возвратных местоимений. Структура Главы 4, которая сосредоточена на исторических контактах между хеттами и лувийцами в период до середины XIV века до н. э., является более эклектичной. Здесь приходится оперировать крайне разнородными свидетельствами, историческими и лингвистическими, и иногда прибегать к неизбежным спекуляциям, чтобы собрать эту мозаику в отчетливую картину. К значимым лингвистическим выводам этой главы относятся новые теории о лувийской прародине и происхождении анатолийского иероглифического письма. Глава 5 охватывает период около 150 лет, в течение которого Новое царство Хаттусы достигло своего расцвета. В этот период можно одновременно наблюдать контактно-обусловленные изменения в фонологии, морфосинтаксисе и лексике хеттских текстов. Поэтому данная глава может рассматриваться как автономный очерк по контактной лингвистике, где разнообразные типы дескриптивных данных проверяются на соответствие друг другу. Заключение подводит итоги дискуссии, помещая эмпирические результаты исследования в контекст общей теории языковых контактов.

Основной предмет резюмированного выше исследования — это социолингвистическая интерпретация контактно-обусловленных изменений в лувийском языке и его диалектах, а также в языках, подвергшихся его влиянию. Данная процедура является обратной по отношению к предмету большинства работ, посвященных языковым контактам в современном мире. Социолингвист, изучающий «живые» языки, как правило, заранее владеет информацией относительно лингвистической ситуации в соответствующих сообществах и изучает влияние экстралингвистических параметров на языковое варьирование. В случае палеосоциолингвистического исследования приходится работать с корпусом текстов, испытавших контактное влияние, не имея прямого доступа к исторической информации о природе соответствующих контактов. Использование типологических данных позволяет, однако, описать механизмы языковых контактов, исходя из их результатов, а затем реконструировать контактные стимулы, которые могли каузировать описанные механизмы. Монография способствует становлению нового научного направления — палеосоциолингвистики.

В то же время особенностью материала, интерпретируемого в настоящей монографии, является наличие ограниченной исторической информации, которую можно сопоставить с результатами лингвистического анализа. Речь идет в первую очередь об упоминании лувийцев и лувийского языка в хеттских текстах, а также об упоминании других народов, контактировавших с лувийцами, в исторических источниках (разделы 2.5, 2.8, 4.5 и т. д.). Кроме того, имеющиеся в нашем распоряжении лингвистические данные не ограничиваются набором контактно-обусловленных изменений в лувийском и других языках. Дополнительную социолингвистическую информацию можно почерпнуть, например, из этимологического анализа локализуемых имен собственных (разделы 2.3, 4.2) или из изучения акрофонической деривации анатолийских иероглифических силлабограмм (раздел 4.9). Поэтому дополнительным предметом настоящего исследования является гармонизация социолингвистических гипотез, полученных из различных источников.

Целью работы, в самом широком смысле, является обоснование возможности комплексной реконструкции языковой ситуации в отдельном регионе на основании анализа контактных феноменов в языках с ограниченным корпусом текстов. Иными словами, речь идет о доказательстве полезности палеосоциолингвистики как самостоятельной дисциплины. Основной практической задачей исследования является уточнение ареала распространения и основных функций лувийского языка в бронзовом веке. Дополнительной задачей исследования являлось уточнение ареала распространения и функций языков, контактировавших с лувийским в указанный период. В ряде разделов работы также рассматривается лингвистическая ситуация в Анатолии ранне-

го железного века в той мере, в которой она позволяет прояснить факты более раннего периода.

Хотя Малая Азия в период бронзового века едва ли является очевидным приоритетом для палеосоциолингвистического анализа, причины этого кроются, скорее в социологических, чем в лингвистических факторах. Клинописные языки редко преподаются на лингвистических факультетах, а царство Хаттусы привлекает меньше общественного внимания, чем Древний Египет или Римская империя. Но с чисто языковой точки зрения Древняя Анатолия является весьма благоприятным регионом для палеосоциолингвистического исследования. Клинописные таблички, обнаруженные в дворцовых архивах Хаттусы, содержат тексты на семи различных языках: хеттском, аккадском, шумерском, хаттском, хурритском, лувийском и палайском (восьмой язык, митаннийский арийский, засвидетельствован в виде заимствований в хеттских текстах). В дополнение к этому, данные таблички содержат многочисленные примеры структурной интерференции, лексических заимствований, смешения и переключения кодов⁶. Они также содержат определенное количество исторической информации, касающейся разнообразных этнических групп, которая может привлекаться для контроля социолингвистических выводов.

Выбор лувийского языка в качестве основного объекта исследования данной монографии определяется в том числе и значительным прогрессом в описании этого языка в течение последних нескольких лет. Несмотря на то что первые лувийские тексты были введены в научный обиход в двадцатые годы прошлого века, изучение проблем, связанных с лувийцами, оставалось на всем протяжении века на периферии хеттологии. Ситуация резко изменилась в новом тысячелетии. Работы, посвященные лувийскому языку и лувий-

---

⁶ Следуя практике учебника [Беликов, Крысин 2015: 27–32], я использую термин «смешение кодов» (= англ. *code mixing*) для феномена, который также именуется *intrasentential code-switching* ‘внутриреченциальное переключение кодов’ в некоторых англоязычных работах. Термин «чередование кодов» используется в настоящей монографии в качестве гиперонима для переключения и смешения кодов. Я оперирую следующими базовыми подтипами чередования кодов: ситуационное переключение кодов, метафорическое переключение кодов, некомпетентное смешение кодов и прагматически обусловленное смешение кодов. См. [Winford 2003: 116], где представлена попытка определить различие между ситуационным и метафорическим переключением кодов в устной речи, а также [Winford 2003: 108], где обсуждается некомпетентное смешение кодов. Прагматически обусловленное смешение кодов заключается в употреблении функционально мотивированных иноязычных вкраплений в ситуации полного двуязычия. Этот механизм будет подробнее рассмотрен в п. 5.4.4 в связи с социолингвистической ситуацией в Новом царстве Хаттусы.

ским текстам, теперь занимают почти такое же место в анатолистике, как и собственно хеттологические исследования. В частности, следует отметить появление первого учебника лувийского языка [Payne 2010], энциклопедической монографии, посвященной лувийцам [Melchert 2003] и очерка лувийской грамматики на русском языке [Якубович 2013a]⁷. Тем не менее вопросы, связанные с локализацией лувийских языковых сообществ и определением функций лувийского языка, до сих пор остаются дискуссионными.

В то же время следует указать на методологически инновационный характер исследования. Хотя ученые и раньше обращались к теме социолингвистики древних языков (см., напр., [Wright 1982], [Janse, Adams, Swain 2003], [Bádenas de la Peña et al. 2004], [Adams 2013] и [Mullen 2013]), применение методологии обратного социолингвистического анализа в данной работе впервые приводит к нетривиальным историческим выводам. Это делает данный анализ полезным для широкого круга специалистов, чьи интересы лежат за пределами лингвистики, и в конечном итоге способствует становлению палеосоциолингвистики как вспомогательной исторической дисциплины.

С практической точки зрения, настоящая монография открывает новую перспективу на реконструкцию лингвистической ситуации в древней Анатолии. Хотя лувийцы должны были иметь не меньшее значение для истории Анатолии в период бронзового века, нежели хетты, лишь несколько исследователей пытались систематически различать эти две этнические группы. Чаще всего лувийцы упоминаются в связи с определенными географическими и политическими объединениями, будь то юго-восточное анатолийское княжество Киццувадна или гомеровская Троя. Это должно объясняться отчасти тем, что специалисты по хеттам обычно являются историками, филологами, или компаративистами, а не социолингвистами. С другой стороны, характер первичных источников вносит дополнительные сложности в палеосоциолингвистическое исследование этого региона. Прежде чем подходить к проблемам языковых контактов в древней Анатолии, необходимо было определиться с синхронной структурой лувийского языка. Значительные успехи, сделанные в этой области в последние 30 лет, связаны с работами Дж. Д. Хокинса, Х. К. Мелчерта, А. Морпурго-Дэвис и Ф. Штарке, а также ряда других исследователей.

Инновационный характер исторических выводов настоящего исследования выявляется в сравнении с авторитетной работой [Bryce 2003], чьи выводы опираются в основном на критику письменных источников и претендуют на статус последнего слова в истории лувийцев. Брайс предложил сценарий

---

⁷ Единственная русскоязычная монография, посвященная грамматике лувийского языка [Дунаевская 1969], к сожалению, устарела.

экспансии лувийского языкового сообщества на юго-восток. Он предположил, что в XVII в. до н. э. «языковые сообщества лувийцев занимали обширные территории в западной половине Анатолии» (стр. 28). К середине II тыс. до н. э. «группы лувийцев распространились на юг и восток, заняв значительную часть южной Анатолии, от области (классической) Ликии на западе до (классической) Памфилии, Писидии, Исаврии, Ликаонии и, наконец, Киликии на востоке» (стр. 31). Брайс осторожно заключает, что такие миграции могли являться продолжением общеанатолийского движения на юго-восток, с Балкан в Малую Азию (стр. 40). Данный сценарий существенно отличается от реконструкции, предложенной в данной монографии, согласно которой локальная лувийская прародина располагалась в центральной части Малой Азии, а присутствие лувийцев на эгейском побережье было достаточно ограниченным.

Оставляя на некоторое время в стороне лингвистические соображения, следует отметить, что этот сценарий маловероятен с чисто исторической точки зрения. Археологические свидетельства говорят, скорее, в пользу культурной преемственности в анатолийском регионе от раннего к среднему бронзовому веку [Melchert 2003a: 25, см. там же библиографию]. Ожидается, что этнические группы, совершившие обширные миграции, должны поддаваться археологической идентификации. Однако на данный момент не существует такой вещи, как общепризнанная лувийская археология, поскольку «локальные археологические традиции западного прибрежного региона, а также эгейско-восточноанатолийской контактной зоны, всецело отличны от традиций Центральной Анатолии» [Taracha 2006: 148, см. там же библиографию]. Если принять, что миграция лувийцев на восток произошла после образования царства с центром в Хаттусе, то мы сталкиваемся с дополнительной проблемой того, как объяснить полное молчание хеттских источников об этом событии. Сценарий мирной экспансии, которому содействовало бы экономическое превосходство лувийцев, остается неубедительным, пока не выявлены специфические экономические преимущества лувийских групп. Политическая раздробленность Малой Азии, характеризующая период до XVII в. до н. э., и социальное превосходство хеттов в последующий период затрудняют сценарий резкого языкового сдвига от хеттского к лувийскому в Центральной Анатолии, не сопровождавшегося демографической мобильностью.

Брайс эксплицитно признает недостатки своего метода, поясняя, что «мы не можем с какой-либо степенью уверенности установить четкое различие между лувийскими и нелувийскими ареалами где-либо в Анатолии» (стр. 34). Подобная констатация является, с моей точки зрения, справедливой по отношению к работе [Vguse 2003], но чрезмерно пессимистичной как общая оценка проблемы. На деле можно с переменной степенью уверенности говорить о

статусе лувийского языка в различные эпохи и в разных регионах Анатолии, но для достижения объективных суждений по данному вопросу следует привлечь научные ресурсы социолингвистики⁸.

0.3 Базовые допущения

Здесь уместно выразить мою позицию по поводу ряда дискуссионных проблем анатолистики, вынося их за рамки основной части исследования. Не претендуя на то, что мои замечания смогут убедить сторонников иной точки зрения, привожу их для прояснения логической структуры последующей аргументации.

На сегодня большинство лингвистов рассматривают анатолийскую группу языков как наиболее раннее ответвление индоевропейской семьи⁹. Я эксплицитно подчеркиваю этот факт, используя термин «индоанатолийский» для общего языкового предка анатолийских и индоевропейских языков, но этот терминологический выбор не имеет прямых последствий для выводов моей работы. Природа моего исследовательского проекта позволяет занимать агностическую позицию в отношении места и времени разделения между индоевропейскими и анатолийскими языками, а также по поводу направления миграции анатолийских языков в Малую Азию (или индоевропейских миграций из Малой Азии). Представляется, однако, необходимым исходить из отсутст-

---

⁸ Я благодарен Т. Брайсу за внимательное отношение к монографии [Yakubovich 2010a], которая легла в основу данного исследования. Хотя, не будучи лингвистом, Брайс не считает возможным оценивать мои выводы по существу, он регулярно реферирует их в своих публикациях наряду со собственными более ранними заключениями, предоставляя квалифицированному читателю сделать самостоятельный выбор между предложенными гипотезами. См., напр., [Bryce 2014: 131].

⁹ См., напр., [Jasanoff 2003: 20, сноска 41]. Как можно понять из этой дискуссии, консенсус по поводу сущности «индохеттской гипотезы» не влечет автоматического принятия термина «индохеттский», который некоторые лингвисты находят непривлекательным с эстетической точки зрения. Я использую термин «индоанатолийский праязык», который, как мне представляется, выглядит менее тенденциозно и подходит в равной мере для преодоления терминологической двусмысленности между разными стадиями развития праиндоевропейского языка. Следует отметить, что «индохеттская гипотеза» сегодня принимается не только сторонниками, но и противниками анатолийской прародины «индохеттов», напр. [Chang et al. 2015: 195; Anthony, Ringe 2015: 201]. В качестве примера того, как сравнение между отдельными анатолийскими языками может привести к модификации индоанатолийской реконструкции, можно упомянуть соответствие хетт. *s* ~ лув. *t/d*, ведущее к восстановлению индоанатолийской фонемы *θ [Иванов 2009: 3–5].

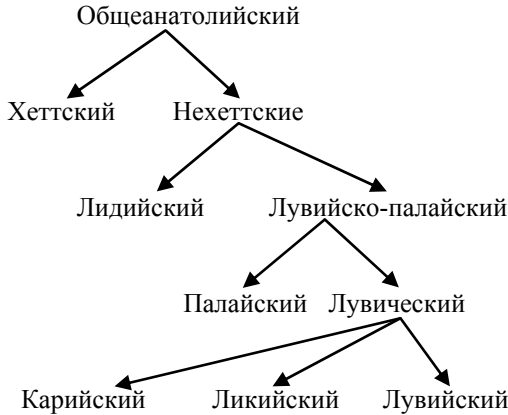
вия преемственности между этими событиями и лувийскими миграциями через Малую Азию, которые должны были произойти значительно позже.

В дальнейшем я буду оперировать моделью генетического членения анатолийских языков, которая схематически представлена на рис. 1. Ключевые морфологические инновации, характеризующие каждый узловой пункт на предполагаемом древе, перечислены в нисходящем порядке. Классификация имеет многочисленные сходства с той, что дана в работе [Oettinger 1978]. Для строгого доказательства данной конкретной конфигурации требуется отдельная и более детальная дискуссия, но, как представляется, она близка к *consensus majorum* и принимается здесь как рабочий инструмент без дальнейших обсуждений¹⁰.

Из приведенной на рис. 1 диаграммы вытекает необходимость постулировать несколько промежуточных стадий между праанатолийским и общелувийским состоянием. С другой стороны, большое количество генетически не связанных слов в базовом лексиконе лувийского и хеттского языков также побуждают отнести время их разделения глубоко в анатолийскую предысторию. Список из 13 дивергентных лексем, все из которых относятся к стословнику Сводеша, приведен в Таблице 1 (список основан преимущественно на работе [Ivanov 2001]). Среди приведенных в таблице форм нет очевидных заимствований. Учитывая, что на данный момент идентифицировано лишь около

---

¹⁰ В. В. Иванов [Ivanov 2001] попытался показать, что анатолийская группа языков должна рассматриваться как языковой союз, а не генетическая семья. Действительно, некоторые языковые особенности, которые традиционно понимаются как общеанатолийские инновации, могут быть реинтерпретированы в качестве вторичных контактных феноменов (ср. Главу 3, где приводится один из таких случаев). Имеются, однако, некоторые нетривиальные общеанатолийские инновации, чья связь с внешними контактами едва ли может быть доказана; напр., появление *ī* в **amī* ‘я’ по аналогии с **tī* ‘ты’, энклитизация указательного местоимения **o-* > *a-* или слияние префикса *pe-* с глагольным корнем **ai* ‘давать’ (возражения Клуххорста [Kloekhorst 2006] против реальности этой фузии, как представляется, основаны на его нежелании принимать праиндоевропейскую фонему **a*). Отсюда не следует, что подобные инновации не могли распространиться посредством диффузии в континууме уже разделенных диалектов, но данный тезис не поддается проверке. Согласно сравнительному методу, эта общая инновация должна рассматриваться как генетически унаследованная, пока не показан ее вторичный характер. В любом случае [Ivanov 2001] помещает хеттский и лувийский языки на разные полюса индоевропейского языкового континуума, что относится и к работе [Rieken 2017], где автор также обходится без построения генеалогического дерева. Напротив, Джусфреди [Giusfredi 2018: 77–79] принимает классификацию анатолийских языков, сходную с предложенной в настоящей монографии, хотя и допускает различные гипотезы относительно места лидийского языка на генеалогическом древе.

- 1) Окончание 1 ед. презенса *-wi* (вместо **-mi*): инновация, которая может быть реконструирована для нехеттских языков.
- 2) Обобщение в 1 ед. претерита окончания *-ha* (за счет **-om*): инновация, которая может быть реконструирована для лувического и палайского.
- 3) Окончание **-nsi* в им. мн. (вместо **-es*): инновация, которая может быть реконструирована для лувического.

Рис. 1. Членение анатолийской группы языков

Таблица 1. РАСХОЖДЕНИЯ В БАЗОВОМ ЛЕКСИКОНЕ МЕЖДУ ХЕТТСКИМ И ЛУВИЙСКИМ

Значение	Хеттский	Лувийский	Значение	Хеттский	Лувийский
‘все’	<i>humant-</i>	<i>puna(dali)-</i> <i>tanim(ali)-</i>	‘длинный’	<i>dalugi-</i>	<i>array(ali)-</i>
‘большой’	<i>salli-</i>	<i>ura-</i>	‘человек’	<i>pesna-</i>	<i>zid(i)-</i>
‘жечь’	<i>warnu-</i>	<i>kinu- (?)</i>	‘дорога’	<i>palsa-</i>	<i>harwa-</i>
‘умирать’	<i>ak(k)-</i>	<i>wal-</i>	‘говорить’	<i>mema-</i>	<i>assa(za)-</i>
‘голова’	<i>harsar/n-</i>	<i>harmah(i)-</i>	‘видеть’	<i>au(s)-</i>	<i>mana-</i>
‘знать’	<i>sakk-</i>	<i>un(a)i-</i>	‘стоять’	<i>ar-</i> (мед.)	<i>ta-</i>
			‘вода’	<i>watar/weten-</i>	<i>war-</i>

половины лувийского стословника, можно предположить посредством экстраполяции, что общее число лексических дивергенций в списке могло составлять около 25. Таким образом, мы имеем дело с показателем родства, который ниже, чем для славянских языков (не более 20 лексических дивергенций между любыми двумя языками)¹¹. Распад праславянского на отдельные диалекты обычно относят к середине I тыс. н. э., руководствуясь историческими соображениями. Если принять ту же скорость лексических замен для анатолийских языков, то необходимо предполагать, что хеттский и лувийский отделились друг от друга по меньшей мере за 1500 лет до исторической фиксации обоих языков, то есть примерно в 3000 г. до н. э.

¹¹ Относительно корреляции между количеством схождения в базисной лексике и характером языкового родства см. [Бурлак, Старостин 2005: 19–20].

Таким образом, степень расхождения между хеттским и лувийским языками, по-видимому, чуть ниже той, что отмечаются в случае польского и русского, и близка к той, что отмечаются в случае итальянского и испанского языков. Засвидетельствованные диалекты лувийского, напротив, не демонстрируют каких-либо систематических различий в базовом лексиконе (глагол 'делать', который обсуждается в разделе 1.6, не входит в стословник). Было бы невозможно объяснить столь большое сходство, если принять, что расселение носителей лувийского языка по всей Анатолии произошло уже в III тыс. до н. э. В отсутствие централизованного государства, которое могло бы способствовать унификации языка, диалекты, скажем, Табала и Кищувадны стали бы взаимно непонятными в течение одной тысячи лет. Нет иного выбора, кроме как признать, что миграции различных групп лувийцев должны быть синхронизированы с периодом староассирийской торговли в Анатолии, а то и с Древним царством (ср. [Bryce 2003: 31]). Если так, то бесполезно искать преемственность между миграциями праанатолийцев в Малую Азию и последующей лувийской экспансией, подобно тому как немецкая политика *Drang nach Osten* («Натиска на Восток») в начале II тыс. н. э. ни в коей мере не продолжает миграции германских племен в западном направлении, происходившие за тысячу лет до этого. В целом отсутствует необходимость в том, чтобы предполагать, что направление миграций отдельных групп лувийцев продолжает какую-либо заранее заложенную модель, что ясно иллюстрируется вышеприведенной германской параллелью.

Другое положение, заслуживающее комментариев, касается таксономического статуса лувийского языка. Группа исследователей (А. Морпурго-Дэвис, Т. Брайс, И. Хайнал) используют термин «лувийские языки» для группы, включающей «клинописный лувийский», «иероглифический лувийский», ликийский А, ликийский Б (милиийский), а сейчас еще и карийский. Признание того, что лувийская языковая семья состоит из нескольких отдельных языков, позволило бы отнести миграции лувийцев к более отдаленному прошлому. С другой стороны, Мелчерт [Melchert 2003b: 175–176] утверждает, что аборигенные языки Ликии, известные по местным письменным памятникам, являются близкими родственниками лувийского языка, но не его прямыми потомками. Это приводит его к тому, чтобы постулировать существование лувической семьи, представляющей собой более высокий таксономический элемент, чем лувийский диалектный континуум, и включающей в себя лувийский язык и его близких родственников, фиксируемых в I тыс. до н. э. [ibid.: 177, сноска 7]. Если так, то более поздние лувийские миграции или языковой сдвиг должны рассматриваться отдельно от более ранних лувических миграций или язы-